
Владимир ХОХЛОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Над площадью железный большевик.
За ним вокзал под грузом снежных комий.
И в ноябре беззубый борщевик —
О, есть ли что на свете мне знакомей?

И этот крик в осенней немоте —
Lugete, Veneres Cupidinesque!
И этот вид с тоскою — немате-
риальное наследие ЮНЕСКО.

О родина, что мне с твоей любви?
Тебе — с моей? Я твой гражданский срочник.
Прими меня, возьми, овеществи:
Я тоже исторический источник.

ЧУЖОЙ ПРИБОЙ

Там где-то очень далеко шумит прибой, чужой прибой.
Я не с тобой, ты не со мной, и бог с тобой.
И воздух в небе весь как будто голубой,
И в небе стая.
А где-то рейсы набирают высоту,
Я вырос, значит, я уже не подрасту,
И километры ногу жмут, но под версту
Не подверстаю.
В углу стоит девчонка, на причёске бант,
И ей оттуда бы сбежать, да врет секстант,
Я безучастно бормочу, что твой сектант,
Не помогая.
И ей бы вырваться туда, где, как постель,
И дождь, и воздух, по забору вьётся хмель,
Но хмель чужой, и дождь чужой, и спаниель
У бюста Гая.
— Но там тепло, там так тепло, там так тепло! —
И слезы детские стекают тяжело,
А мне ведь тоже тяжело, и я трепло,
Я отвечаю:

Владимир Хохлов родился в 1997 году. В 2019 году окончил исторический факультет МГУ. По собственному определению, основной темой своих стихов считает «острое чувство утраченной родины». Данная подборка — дебют автора в «Неве».

Послушай, девочка, ну что с того, что там теплей,
 Там сто морей, но нет лесов, там ночи злей,
 А в море водится коварный страшный змей,
 И все чужое.
 Мы никому, мы никому там не нужны.
 Там сердце жметса от кромешной тишины,
 А ночью бродит призрак греческой княжны
 Под шум прибоя.
 Но слезы льются; дядя, врешь, ты, дядя, врешь!
 А что мне врать? Я одинок, я слаб, я вошь,
 И ни в какие там секреты я не вхож,
 Что отпираться?
 Да нет же, девочка, не вру я, как отцу.
 Лишь уберечь хочу от жертвы подлецу,
 И ты не плачь, ведь нам с тобою не к лицу:
 Мы ленинградцы.
 ...Четвертый час, я завершаю свой рассказ,
 И страшно так, как будто всех увидел нас,
 Как будто там, как будто в нас, в полночный час
 Бьют из обреза.
 Но да, тепло, там так тепло, там так тепло!
 И дождь, как ягоды, бросает на стекло.
 Красуют девушки, покрыв собой проспект Дюкло
 Или Тореза.
 Так что, дитя, забудь далекие края,
 Не беспокой своих родителей зазря,
 Они вернутся за тобой, когда заря
 Вновь запыхает.
 ...Но в горле вой, но в горле вой, но в горле вой:
 Я там чужой, ты там чужой, он там чужой,
 Там где-то очень далеко шумит прибой
 И затихает.

ПЕРВЫЙ ВЕРЛИБР

Мой прадед возил маршала Рокоссовского,
 работая шофером Министерства обороны Советского Союза,
 если я правильно помню рассказы
 уже умершего деда.
 Другого прадеда должны были расказачить,
 но не успели:
 через прорытую за ночь дыру
 он убежал из барака.
 Третий прадед погиб в первый день войны,
 командуя артиллерийским расчетом,
 и его беременную жену с грудным ребенком
 эвакуировали в Курган.
 Четвертый прадед был младше всех:
 его я знал лично и хорошо помню.

Он разрабатывал ракетные комплексы и написал
довольно известный учебник по начерталке.

Мои предки лежат где-то на Даниловом кладбище, под стенами
самого старого московского монастыря.

Два моих одноклассника уехали за рубеж и не могут понять,
почему я не хочу уезжать.

* * *

Как, град золотой увидав, замерев, Волохонский,
Как рифмой мужскою вступая в последний приют,
Как, Энгельса встретив, немея и на два ломаясь, Волхонка,
Как зная, что всех нас пригреют, приластят, приют,
Как ищущий с верой того потайного приюта,
Но находящий лишь блистер с последней но-шпа,
Как житель Орла, не доживший два дня до салюта,
Как Мышкин, как Wanderer, kommst du nach Spa,

Так, верно, и ты: надломаясь, и опешив, и зная,
И видя, и веря, но больше — не веря совсем,
Идешь до зари и сигналишь всем встречным трамваям,
Где символ беды — облетевший букет хризантем.

* * *

Эти люди шли, от ветра ежась,
Зарываясь в тонкий воротник.
В городе царила невесомость.
Впрочем, каждый к этому привык.

В городе царила невесомость,
Невесомость чести и суда,
Потеряли вес закон и совесть.
Люди шли: туда-сюда, туда...

Вдоль забора шли. Несли оклады.
За забором, что их отделял,
Были продовольственные склады,
Где ленивый лишь не воровал.

Воровали все. Лишь только эти,
Что дорогу мимо провели,
Крохи свои жалкие в газете,
Взятые на жалкие рубли,

В сереньких пальто неся домашним —
Лишь из них никто не крал страны.

Жить им оставалось днем вчерашним
С запахом складов с той стороны.

В городе, где ничего не новость,
Там, где был приятель подлецом,
Им не позволяла это совесть,
Стертая, с облупленным лицом.

* * *

Ночь как сверчок. Часы как бригадир.
И за окном собака как бездомный.
И я в постели — сонный и бессонный.
И мир вокруг, где евро лучше лир.

«Конечно, это мой вишневый сад», —
Я думал, взгромоздившись на перила
Два дня тому и светлые белила
Втирая в посеревший палисад.

Был тихий день. На даче я один.
Сел телефон. Поставил заряжаться.
И постепенно начало смеркаться.
В такую тишь — себе не господин.

И я стоял, и красил. За спиной
На землю опадали тихо груши.
И кроме — ничего. Живые души
Давно уже уехали домой.

Мне было больно, тихо и светло,
Торжественно. И в этом счастье было —
Когда уже закончились белила,
Вдыхать подпрелый запах тяжело,

Не думая, что все обречены,
И первыми на очереди — груши,
Поскольку несъедобны. Ты послушай,
В какую тишь они обличены.

«Конечно, это мой вишневый сад» —
Сидеть вот так, смотреть через дорогу
На лес и, прислонясь спиной к порогу,
Все слушать, как плоды с ветвей летят.

Как каплю дождь, роняет плод дичок.
И я лежу, по-прежнему бессонный.
Собака спит. Ей снится кот ученый.
Часы как бригадир. Ночь как сверчок.

TINDER

Рассказ

Саня сидит один на бетонной скамейке в парке Шари-Нау — самый центр афганской столицы Кабула. Высокие гималайские кедры с грубой иссохшей корой и пыльная растрескавшаяся земля. На других скамейках отдыхают полицейские в серой, словно бесцветной, форме с яркими шевронами своей службы; гражданские, замотавшиеся в покрывала, в плоских рыжих шапках-пакулях и дрянной рваной обуви; дети, перекрикиваясь, играют в лапту. И ни одной женщины: парк Шари-Нау женщины могут посещать только в сопровождении мужчин — нет такого официального закона, но это сложившаяся негласная традиция, которая продолжает соблюдаться, несмотря на все декреты, принимаемые властью, чтобы уравнять в правах афганских мужчин и женщин.

Парк лепится сбоку к так называемой «зеленой зоне», или, как он именуется в полицейском регламенте, «району К9» — там расположены почти все афганские министерства, управления силовых ведомств и иностранные дипломатические миссии. К9 — это лабиринт из бетонных высоких заборов, вышек с охраной и броневиками «хамви» на тротуарах и перекрестках, самый охраняемый район Кабула. Эрна, девушка-фотограф, которая приехала вместе с Саней в афганскую столицу, ушла куда-то в этот лабиринт, чтобы делать снимки прохожих, броневиков и полицейских на фоне бетонных стен. Некоторые стены разрисованы актуальными граффити: разбитые автоматными выстрелами и осколками взорвавшихся мин сердца, оплакивающие погибших детей матери и старательно везущие на простеньких тележках громадное и тяжелое слово «мир» бородатые крестьяне. У рисунков яркие, жизнеутверждающие цвета, даже для простреленных сердец художники использовали очень радостные оттенки красного — ближе к розовому. «Должны получиться эффектные снимки», — сказала Эрна, прежде чем оставила Саню в парке.

Неожиданно раздается оглушительный грохот. Саня оборачивается в сторону К9 — над районом, расплзаясь в стороны, поднимается белое облако, разлетаются темные ошметки — это взрыв. В Министерстве внутренних дел Афганистана молодых русских репортеров сразу предупредили, что К9 — самый опасный район Кабула, он чаще всего подвергается атакам боевиков антиправительственных группировок. Обычно боевики-смертники проникают туда на заминированных автомобилях. Затем взрываются. Бывает, что эти взрывы дополняются атаками смертников-стрелков. Видимо, так происходит и в этот раз: нарастает сухой треск автоматных очередей. Люди

Александр Сергеевич Рыбин родился в 1983 году в г. Кимры Калининской области. Окончил филологический факультет Тверского университета. Работает фрилансжурналистом. Первая публикация — в журнале «День и ночь» в 2008 году. Лонг-листер премии «Неформат», Бунинской премии и премии имени В. П. Астафьева (2008). В 2012 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» с повестью «Современный кочевник». До отъезда в ЛНР жил во Владивостоке. Публиковался в различных литературных изданиях.